

«СВОЯ СТРАНА», «ЕВРОПА» И «ПРОВИНЦИЯ» — ТОПОГРАФИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ СВОБОДНОГО И НЕСВОБОДНОГО ПРОСТРАНСТВА

Андроникашвили З. (Тбилиси—Берлин)

В январе 1988 г. в Париже на конференции, посвященной «культурной идентичности Европы», Мераб Мамардашвили выступил с докладом под названием «Европейская ответственность». Говоря об «идеях», которые появились у него «на основе личного опыта», он обозначает точку обзора: он исходит от «человека, который родился не в Европе, жил в провинции и там познавал историю своей страны и ее культуры». То, что Мамардашвили называет «Европой», и то, что он называет Советским Союзом в смысле неопишуемого пространства (например, в докладе «Сознание и цивилизация» или в статье «Третье состояние»), намного шире эмпирической Европы и эмпирического Советского Союза или пространства, которое можно назвать постсоветским, евразийским или каким-либо еще. То, о чем говорит Мамардашвили, европейским можно назвать лишь в том ограниченном (или, наоборот, широком) смысле, что понятия, которыми он оперирует, язык философии, которым он пользуется, созданы европейскими мыслителями Платоном, Декартом, Кантом, Марксом, Фрейдом, Прустом и т. д., но Мамардашвили никоим образом не предполагает, что европейское пространство в силу каких-либо качеств приоритетно по отношению к любому другому. Культурное пространство, о котором говорит Мамардашвили, — «неэмпирично», но имеет прямые последствия и для реального эмпирического пространства. То, что имеет в виду Мамардашвили, на мой взгляд, является частной манифестацией свободного и несвободного пространства. «Своя страна», «провинция» и «Европа» — топографические фигуры; в них зашифрованы разные состояния сознания, которые лишь опосредствованно связаны с географическим или политическим пространством и которые я попытаюсь в дальнейшем реконструировать.

I

Позицию наблюдателя, внешнего по отношению к эмпирической Европе, но находящегося в конце пути из «провинции»

в «свою страну», Мамардашвили считает более выгодной, чем позицию наблюдателя «внутреннего» (европейского), поскольку она позволяла ему «осознать нечто большее, чем это дано (эмпирическому) европейцу, считающему свое положение вполне нормальным, естественным». Положение, о котором идет речь, это особое состояние человека: «У вас (у европейцев) нет остренного сознания, — говорит Мамардашвили, — что человек — это прежде всего постоянное усилие стать человеком, что это не естественное состояние, а состояние, которое творится непрерывно». Эта фраза содержит ядро всей онтологии и эпистемологии Мамардашвили: человека как личность можно помыслить лишь в незавершенном мире, в котором должно быть место для него и для онтологически завязывающего акта мысли, а под ним Мамардашвили подразумевает «воспроизводство в точках индивидуального человеческого существования <...> построения самого себя вокруг несомненного невербального существования своего мыслящего состояния в мире, <...> осуществляющим фактически онтологическое, бытийное укоренение сознания»¹.

В другой статье Мамардашвили вносит в эту мысль несколько иной нюанс: «Мир устроен как нечто находящееся в постоянном становлении, в нем всегда найдется мне место, если я действительно готов начать все сначала»². Человек, (или то, что Мамардашвили называет вторым рождением — в отличие от первого, биологического рождения — или «предназначением» человека) это всегда возможный человек. И его свобода заключается в возможности реализовать (или не реализовать) свою потенциальность и занять «место» в мире. Это «место» никоим образом не гарантировано, и его можно занять только при определенных условиях. Данным условием является реализация «призвания» человека, выполнение актов, которые не происходят без его индивидуального участия или усилия³. В интервью, опубликованном под названием «Как я понимаю философию», Мамардашвили поясняет, что речь идет о философских актах в смысле актов сознания или проявлений жизни сознания,

¹ Мамардашвили М.К. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 101.

² Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию // Там же. С. 21.

³ См.: Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте: Психологическая топология пути. М., 1995. С. 94.

«будь то мастерское создание ремесленного шедевра (скажем, стула) или поэмы или поступок нравственный и т. д». Иными словами, они не ограничиваются академической философией, а связаны с тем, что Мамардашвили называет «реальной философией»¹. Акт, о котором говорит Мамардашвили — это особый акт «осмысления мира и себя в нем», акт, «дающ[ий] нам некое обобщенное, универсальное знание, свободное от повседневной гонки за происходящим», «не являющийся ни одним из элементов в цепи последовательных актов, а пронизывающий их все (накладывая отпечатки на них) и потому не могущий быть непосредственно схваченным»², акт «который происходит в некой точке... попав в которую мы просто вынуждены обратить себя, свое движение и остановиться»³. Эту точку, или это состояние, Мамардашвили называет «нулевой точкой». В «нулевой точке» сведены к нулю пространство, время и объем, которые личность занимает в социальных связях, положении или культурной иерархии⁴, и блокируются предметные, зеркальные референции⁵. Под механизмом этого акта Мамардашвили подразумевает расщепление сложившихся связей, не предполагающих моего личного присутствия, или участия, в том числе и связок идентичности, сцепление «я» с самим собой⁶, т. е. редукцию «готового мира», мира предметных кристаллизаций. В статье «Проблема сознания и философское призвание» Мамардашвили называет «готовый мир» «предметным миром», или «идеологической картиной мира», которая возникает в процессе «дублирования» первоакта невербального философствования (возникновения «зеркальности») и которая должна быть редуцирована, чтобы «увидеть то, что в действительности имело место»⁷. И в результате операции редукции готового мира в этой (нулевой) точке «мы представляем себе мир как творимый за-

¹ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 23.

² Мамардашвили М.К. Быть философом — это судьба... // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию М., 1990. С. 29.

³ Там же.

⁴ См.: Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 51: «Она закрывает нам прошлое, на которое мы могли бы опереться... и будущее, говоря нам: нет, сейчас, на завтра переложить нельзя».

⁵ См.: Мамардашвили М.К. Философия — это сознание вслух // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 60.

⁶ См.: Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 100. Единственная возможность расщепить эти созданные связи «воссоздание себя как единственного носителя и исполнителя того, что предназначено» (Там же. С. 119).

⁷ Мамардашвили М.К. Философия — это сознание вслух. С. 52.

ново, он воспроизводится и длится именно потому, что воссоздается каждый раз в каждой точке»¹. То человеческое состояние, которое возникает в результате расщепления сцепившегося, готового мира, Мамардашвили называет «состоянием свободы». Состояние свободы и «есть то, что каждый раз приходится возрождать. В этом смысле свобода есть бремя, которое мы, люди... всегда радостно сбрасываем, если внешние обстоятельства позволяют или даже принуждают нас к этому»². Человек воссоздает мир уже в результате своего личного усилия, и на это, как говорит Мамардашвили, нужна сила не меньшая, чем в акте творения³. С одной стороны, мы имеем дело с исключительно индивидуальной возможностью человека, а с другой стороны, с «предельной универсализацией». Переход в состояние свободы происходит в определенном пространстве: «нулевая точка» есть точка перехода, «в которой какой-то вывороткой внутреннего осуществляется абсолютный реализм. Или предельный солипсизм — только на мне, через меня»⁴. Эту точку в «Лекциях о Прусте» Мамардашвили называет точкой обмена индивидуальной души на универсальную. Из «нулевой точки» открывается пространство, которое Мамардашвили называет универсальным. Свободное пространство и есть пространство, которое возникает в результате индивидуального усилия человека, редуцирующего «готовый мир» и воссоздающего его заново уже своим личным усилием. Именно такое пространство и есть универсальное пространство, пространство свободы, которое Мамардашвили называет «своей страной» или «неизвестной родиной».

II

Вопрос, который будет меня интересовать в дальнейшем, состоит в возможности переноса этого «метафизического» понимания свободного пространства (которое возникает в точке обмена индивидуальности моего личного опыта на универсальность сознания) на социальное пространство. Возможность этого переноса обрисована в статье «Сознание и цивилизация»,

¹ Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 115.

² Там же. С. 189.

³ См.: Мамардашвили М.К. Феноменология — сопутствующий момент всякой философии // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 104.

⁴ Мамардашвили М.К. Идея преемственности и философская традиция // Там же. С. 91.

где Мамардашвили говорит о фундаментальной «двоичности сознания», которую невозможно игнорировать, — о его онтологическом плане (о нем мы уже говорили) и о его эмпирическом плане (этот план Мамардашвили называет «мускульным», или «реальным», — «умением жить на деле, на основе актов первовместимости»¹. Мы уже видели, что условием существования человека как человека (а также общества) для Мамардашвили является, с одной стороны, принцип *cogito* (я мыслю, я могу), а с другой стороны, условия, при которых мир может быть осмысленным. По Мамардашвили, «вся проблема человеческого бытия состоит в том, что нечто еще нужно (снова и снова) превращать в ситуацию, поддающуюся осмысленной оценке и решению», «это же означает, следовательно, что имеют место и некоторые первоакты или акты мировой вместимости», а они есть те самые «философские акты», в которых, как говорит Мамардашвили, «человек может вместить мир и самого себя как его часть, воспроизводимую этим же миром в качестве субъекта человеческих требований, ожиданий, моральных и познавательных критериев и т. д.». К этим же актам «первовместимости» относится и идея закона, или форма агоры в смысле публичного пространства. Первовместимость в данном случае означает, что эта идея или форма всегда заново воспроизводима в каждой точке пространства, в том числе и социального пространства, которое мы можем назвать свободным.

Акты первовместимости являются условием существования свободного (социального) пространства: «Если есть и совершились акты первовместимости и мы находимся в преемственной связи с ними, включены в нее, то тогда мы можем что-то осмысленно говорить, достигая при этом полноты и уникальности описания»². Таким образом, речь идет о структурировании второго плана по законам первого. В статье «Мысль в культуре» Мамардашвили прямо проводит аналогию между человеческим состоянием и состоянием общества: аналогично потенциальной возможности человека стать человеком в смысле второго рождения, утверждает Мамардашвили, и общество представляет из себя потенциальное общество: «Человеческое общежитие еще не есть общество. Общество — это то, что существует в момент выполнения человеческой вместимости, т. е. формы, посред-

¹ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация // Там же. С. 119.

² Там же. С. 112.

ством которой происходят общественные события. Только благодаря им общество существует»¹. Эта потенциальность общества как и в случае человека, содержит и возможность реализации, и возможность нереализации².

Это и есть та точка «бифуркации», в которой одно и то же возможное пространство может быть либо свободным, либо несвободным пространством. Социальное пространство становится свободным (или универсальным), если оно «выражает саму суть законов сознания и устройства человеческого общежития в соответствии с ними»³ уже на другой ступени индивидуальности, не индивидуальности отдельного человека, а индивидуальности отдельного общества (которое может мыслиться и обществом глобальным), или несвободным (или провинциальным), если эти законы не «выражаются». Слово «выражение» в этом пассаже занимает центральное смысловое место, так как подразумевает целый комплекс структурирования общественного пространства как свободного — в первую очередь его выраженность в смысле определенной (удачной) формы, а также коннотацию публичности выражения. Нормальное состояние человека Мамардашвили называет патологичным, в том смысле, что человек нуждается в определенных артефактах, которые позволяют удерживать то, что «естественным образом» рассеялось бы⁴. Такие артефакты Мамардашвили называет «формой», или «культурной формой», подразумевая такие вещи или состояния, которые имели бы тенденцию «воспроизводить и расширять себя. Или сохраняя себя либо создавая себе подобные» [вещи или состояния]. И при этом оговаривает: «Это не само собой разумеющийся механизм, который мог бы совершаться автоматически»⁵. Механизм не «само собой разумеющийся» по двум причинам: во-первых, на держание формы нужно особое усилие, а во-вторых, форма, как говорит Мамардашвили, может быть удачной или неудачной. Под «удачной» формой, как мы уже увидели, Мамардашвили понимает самовоспроизводящуюся форму (например, колесо или лук). В докладе «Обязательность формы» Мамардашвили говорит, что самовоспроизводящиеся

¹ Мамардашвили М.К. Мысль в культуре // Там же. С 151–152.

² См.: Там же. С. 152.

³ Мамардашвили М.К. Сознание — это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию М., 1990. С. 77.

⁴ См.: Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. С. 208.

⁵ Там же. С. 222.

формы «своей организацией вводят психического природного индивида в человеческое, в преемственность и постоянство памяти, в привязанности и связи, и это важно, потому что в природе не задан, не “закодирован”, не существует естественный, само собой действующий механизм воспроизводства и реализации специфически человеческих отношений, желаний, эмоций, поступков, целей, форм и т. д. — короче, самого этого феномена как такового»¹ (метафора «машины», которую Мамардашвили использует в качестве синонима, подчеркивая именно динамический аспект «форм»). «Формы», о которых говорит Мамардашвили, «это как бы приставки к нам, через которые мы в себе воспроизводим человека»².

Что же такое культурная форма (или удачная) форма в социальном пространстве, какова ее функция и каков механизм ее действия? В отличие от формы, которая возникает в процессе совершения личностью акта мысли (т. е. создания произведения в более узком смысле слова — процесс или путь, который Мамардашвили описывает в лекциях о Прусте), общественные формы более проблематичны: «Чтобы мыслить, необходимо мочь собрать не связанные для большинства людей вещи и держать их собранными. К сожалению, большинство людей по-прежнему, как и всегда, мало к чему сами по себе способны и ничего не знают, кроме хаоса и случайности. Умеют лишь звериные тропы пролагать в лесу смутных образов и понятий»³. Следование же культурной форме «обеспечивает воспроизводство состояний при неполном знании ситуации или вообще невозможности ее аналитически представить»⁴. В условиях, в которых трудно предположить, что большое количество людей сумеет выполнить «предназначение» человека, самовоспроизводящиеся формы, в том числе социальные, помогают, или как говорит Мамардашвили, обеспечивают человеку возможность воспроизведения состояния свободы. Эта возможность состоит в медиативной функции формы. Форма играет роль «сохранителя», памяти. Культурная форма обеспечивает именно возможность преемственности с актами первовместимости, в том числе и «первоакта» закона (основы всех законов), т. е. понимания и вос-

¹ Мамардашвили М.К. Обязательность формы // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 88.

² Там же. С. 89.

³ Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. С. 115.

⁴ Мамардашвили М.К. Обязательность формы. С. 89.

произведения человеком (или обществом) этого первоакта как своего собственного, личного опыта.

В уже упомянутом докладе «Европейская ответственность» Мамардашвили говорит о возрождении «социальной или гражданской идеи или, если угодно, веры в то, что только конкретная социальная форма, конкретное сообщество способно приблизить людей к осуществлению бесконечного идеала на земле. С этой точки зрения конечная форма может быть носителем бесконечного». Эта удачная социальная форма, форму, которую Мамардашвили называет европейской, с одной стороны, есть форма правового государства, а с другой стороны, понятие репродуцируемости в смысле возрождаемости. Снова оговорюсь, что европейские эти формы в «историческом» смысле, — поскольку как человек, так и общество, о которых идет речь, это исторический человек и историческое общество (историческое в том смысле, что история является органом его (их) жизни и что точкой отсчета для них борется «греко-романский мир и Евангелие и уже необратимо... эпох[а] Возрождения»¹).

III

Однако, как оказывается, культурные формы сами по себе не гарантируют автоматического дления состояния бытия. Мамардашвили говорит о возможности антропологической катастрофы — глобального выпадения исторического человека из истории и бытия, его «одичания», превращения в «зомби» (немыслящего существа, управляемого чужой волей), если не будет снова и снова возобновляться способность и усилие человека *быть*. Нереализация возможности свободного общества и свободного социального пространства никоим образом не нейтральна в том смысле, что это недеяние не будет иметь никаких последствий: «...нарушение этих законов... создает зоны напряжения, роковые узлы, которые или развязываются драматическим образом, или ведут человечество к вырождению и гибели»². Нарушение законов сознания оборачивается «неудачным способом обще-

¹ Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 189. Европу в качестве идеи или концепции аналогично объясняет американский философ Родольфо Гаше в книге «Europe. The Infinite Task».

² Мамардашвили М.К. Сознание — это парадоксальность, к которой невозможно привыкнуть. С. 77.

ния людей» или «неудачной социальной формой»¹. Что же такое неудачная форма? Для ее описания Мамардашвили пользуется разными метафорами. В статье «Метафизика Арто» Мамардашвили говорит о неродившихся полудушах, оставшихся в лимбе. В «Лекциях о Прусте» он говорит о так называемых «полусуществах, полуумах — таких органических образованиях, которые являются промежуточными созданиями только наших побуждений, а не формами и машинами их действительного осуществления». (Имеется в виду миф Эмпедокла: «несовершенные создания, у которых глаз был на затылке или голова была совмещена с пяткой и т. д., которые, по мифу Эмпедокла, потом были отсеяны эволюционным отбором»). Или, поясняя ту же мысль цитатой из Пруста: «Первые, несовершенные машины, в которых воплотился не столько полет, сколько желание полета».

Пространство «неудачных форм» Мамардашвили называет неопишмым состоянием, или состоянием абсурда (так как невозможно на философском языке описать невыраженное/невыражаемое/хаос), зазеркальем или провинциальным состоянием. В социальном смысле фигура неродившейся души отсылает также к понятию инфантильности, незрелости, противопоставленной понятию просвещения. Метафора первой модели самолета подразумевает структурированность законного поля неопишмого пространства, в котором закон замещен намерением или желанием. Фигура провинциальности говорит о невыражаемости мыслей и фактов в смысле отсутствия публичного пространства. Выпадение из культурного, свободного, или исторического, пространства не означает возвращения в «естественное» или «природное» состояние, но подразумевает некое квазикультурное состояние, которое при внешней схожести зеркально противоположно культурному пространству. Аналогичными метафорами Мамардашвили пользуется в том числе и для описания «советского» состояния. Однако, по Мамардашвили, существует не только возможность регресса, перехода из культурного пространства в квазикультурное, но и возможность «освобождения»: возвращения неопишмого пространства в историю и в бытие, которое он называет задачей «исторического творчества»².

Что же можно понимать под историческим творчеством? Оттолкнемся от негативного примера — в «Лекциях о Прусте» Ма-

¹ Там же.

² Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... С. 196.

мардашвили приводит пример, взятый у Фурье. Это случай с русской помещицей Салтыковой. «Он — т. е. Фурье — говорит, что явно же Салтычиха любила свою крепостную. Но поскольку даже слова такие отсутствовали в ее языке, в ее голове (она даже не могла иметь это слово, чтобы назвать свое состояние), и более того, поскольку социальные формы были таковы, что они полностью исключали какую-либо реализацию этого чувства, то лесбийская любовь к крепостной женщине выражалась в виде такой жестокости. Стоит нам узнать свои желания, как из мира исчезнут насилие, жестокость». Абстрагируясь от примера, можно увидеть в нем определенный механизм: если не заданы или редуцированы определенные «первоакты», если не задан язык, содержащий в себе саму возможность осмысления, то социальное или культурное пространство исчезает, или, что то же самое, не возникает, или, что опять же то же самое, заполняется иллюзиями, ведущими к насилию и жестокости¹. Размышляя о ситуации конца 80-х годов, Мамардашвили пишет: «Мы живем в ситуациях, когда никакая мысль не прививается. Не просто по глупости. А потому, что додумывание ее до конца ставит под вопрос нас самих. И никогда не извлекаем опыт»². Возможность осмысления самого опыта зависит от наличия, создания (или адаптации) определенного языка или культурных форм: «философ (философ в данном смысле человек, который пытается понять свой собственный опыт, который публично, общественно проделывает свою работу, а не «профессиональный философ») должен как бы пройти полпути вниз, к самому опыту, в том числе и к своему личному опыту, который я называл экспериментом, а не просто эмпирическим опытом. А с другой стороны... понятия позволяют продолжать этот путь познания, поскольку дальше переживать без их помощи уже невозможно»³. Понимание и артикулирование «отвлеченных истин относительно самих себя»⁴, является условием возникновения культурного пространства, в смысле свободного и универсального: «открытого и граждански защищенного поля

¹ «Культура — это некоторая историческая точка, точка самоподдерживающаяся и пребывающая живой на безумно закручивающейся кривой. И она имеет бескультурие не позади себя. Хаос и бескультурие не сзади, не впереди, не сбоку, а окружают каждую историческую точку» (Мамардашвили М.К. Мысль в культуре. С. 144).

² Мамардашвили М.К. Философия — это сознание вслух. С. 62.

³ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. С. 18.

⁴ Мамардашвили М.К. Философия это сознание вслух. С. 62.

свободного действия» и пространства публичного выражения (не имеющих внешней себе цели) как условие существования личности¹. (Это то же самое, что и пространство, структурированное по законам сознания, т. е. «пространство, не занятое никакими предрассудками, запретами»².) Но это пространство, со своей стороны, держится на усилении отдельного человека или отдельных людей: «свободная личность может создать «вокруг себя пространство для возникновения культуры и преемственности, истории, всегда чреватой бытием»³. Культурные формы возникают и функционируют на волне встречного движения с личностным усилием человека и возникновение их создает возможность наслаивания, кристаллизации общественной жизни⁴ при условии их публичности.

Понятие эксперимента в смысле «эмпирически опытного нащупывания механизмов общественной жизни», противопоставленного любому модернизационному эксперименту сверху («волепроизвольного, из одной господствующей точки определения»), становится для Мамардашвили общественным (включающим в себя понятие национального государства) эквивалентом «творчества», личностного поиска своей индивидуальной формы бытия (содержащегося в метафоре «спасения»), которое он метафорически называет возвращением в историю, к истокам европейской и христианской культуры.

Однако в ответе, который дает Мамардашвили, важны не только конкретные условия «исторического творчества», но и понятие репродуцируемости. В зависимости от того, выражаются или не выражаются законы сознания, создаются или не создаются «удачные», самопорождающиеся формы, пространство структурируется как свободное, открытое и универсальное (синонимом, или шифром, его выступает «европейское» — то, что Мамардашвили называет превращением безответственного мира в ответственный⁵) или как несвободное, закрытое или про-

¹ См.: Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... С. 173.

² Мамардашвили М.К. Мысль в культуре. С. 154.

³ Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... С. 186. (ср. трактовку возникновения философии в Древней Греции у Делеза и Гваттари в кн.: Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? М.; СПб., 1998).

⁴ См.: Мамардашвили М.К. Дьявол играет нами, когда мы не мыслим точно // Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1990. С. 139.

⁵ См.: Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... С. 173.

винциальное («неописуемое состояние или метафорически «черная дыра», или «черный туннель»).

Свободное, открытое и универсальное — метафорически «европейское» пространство репродуцируемо в любой точке, если выполняются законы сознания. Но любое пространство может оказаться несвободным, закрытым или провинциальным, если эти законы не выполняются — именно об этом предупреждал Мамардашвили в докладе «Европейская ответственность».